

Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 118—128.

Woman in Russian Society. 2024. No. 2. P. 118—128.

Научная статья

УДК 396"18"

DOI: 10.21064/WinRS.2024.2.9

**ИЗ ИСТОРИИ ЖЕНСКОЙ АДВОКАТУРЫ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ВОКРУГ СЛУЧАЯ
Е. Ф. КОЗЬМИНОЙ (1870-е гг.)**

Евгений Адольфович Крестьянников

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва),
г. Москва, Россия, krest_e_a@mail.ru

Аннотация. С учреждением Судебных уставов 1864 г. в России появилась адвокатура. Чтобы стать ее работником, требовалось высшее юридическое образование, а значит, перед не имевшими права на такое образование женщинами профессия закрывала двери. Через десять лет была учреждена частная адвокатура, членство в которой не обуславливалось образовательным цензом. В статье на примере казуса Е. Ф. Козьминой показаны попытки россиянок получать в 1870-х гг. свидетельства частных поверенных и осуществлять адвокатскую деятельность. Анализируются дискриминационные акты, которые этому помешали и в последующие десятилетия препятствовали женщинам вступать в ряды адвокатов.

Ключевые слова: судебная реформа, адвокатура, женщины, дискриминация, Е. Ф. Козьмина, поздняя Российская империя

Благодарности: публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Крестьянников Е. А. Из истории женской адвокатуры в Российской империи: вокруг случая Е. Ф. Козьминой (1870-е гг.) // Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 118—128.

Original article

FROM THE HISTORY OF WOMEN'S ADVOCACY IN THE RUSSIAN EMPIRE: AROUND THE CASE OF E. F. KOZMINA (1870s)

Evgeniy A. Krestyannikov

National Research University "Higher School of Economics" (Moscow),
Moscow, Russian Federation, krest_e_a@mail.ru

Abstract. With the establishment of the Judicial Statutes in 1864, the legal profession appeared in Russia. To become its employee, a higher legal education was required, which meant that the profession closed its doors to women who did not have the right to such an education. Ten years later, private lawyers appeared, and regardless of their level of education, they could join a professional association. Using the example of the case of E. F. Kozmina, the article shows the attempts of Russian women to obtain certificates from private attorneys and carry out legal activities in the 1870s. The article analyzes the discriminatory acts that continued to prevent women from joining the legal profession in subsequent decades.

Key words: Judicial reform, advocacy, women, discrimination, E. F. Kozmina, late Russian Empire

Acknowledgments: the publication was prepared within the framework of the Basic Research Program of the National Research University "Higher School of Economics" (Moscow).

For citation: Krestyannikov, E. A. (2024) Iz istorii zhenskoĭ advokatury v Rossiĭskoi imperii: vokrug sluchaia E. F. Koz'minoĭ (1870-e gg.) [From the history of women's advocacy in the Russian Empire: around the case of E. F. Kozmina (1870s)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 118—128.

Введение

В 1898 г. известный бельгийский юрист, политик и общественный деятель Л. Франк опубликовал книгу о попытках лиц женского пола разных стран освоить адвокатскую профессию. Его внимания удостоился вопрос о женщинах-поверенных в Российской империи. Повествуя о нем читателям, бельгиец опирался на информацию, которой владел из переписки с выдающимся русским адвокатом В. Д. Спасовичем. Последний письмом в сентябре 1897 г. поведал иностранцу, что в середине 1870-х гг. некая женщина обратилась в российское судебное учреждение с просьбой разрешить ей осуществлять адвокатскую деятельность. Суд оказался в затруднительном положении и доложил о беспрецедентной ситуации министру юстиции, а тот — императору. В конце концов последовал указ, запретивший россиянкам работу адвокатами [Frank, 1898: 118—119].

Изложенная история позволяет угадать в героине Л. Франка Елизавету Федосьевну Козмину, иногда упоминаемую современной историографией в качестве первой российской женщины-адвоката. Но персонально она еще не вызывала интереса исследователей; ее имя возникало преимущественно в контексте развития законодательства относительно запрета россиянкам заниматься адвокатской

практикой [Albisetti, 2000: 834; Тимофеев, 2002: 92; Решетников, 2012: 180—181]. Известна, пожалуй, единственная работа, где в небольшом сюжете рассказывается специально о ней, однако в отрыве от эволюции вопроса о женской адвокатуре в дореволюционной России [Пономарева, Хорошилова, 2019: 200—201].

Между тем имя Е. Ф. Козьминой заслуживает быть в заголовках. Положив начало претензиям россиянок на считавшийся исключительно мужским труд, она олицетворяла собой новый тип женщины, неготовой мириться с подчиненным положением и стремящейся его изменить. Мотивы, побудившие ее пойти в адвокатуру, первые шаги в этой профессии и запрет ею заниматься, реакция властей на приход в юстицию поверенных-женщин и соответствующее законодательство — все, что связано с деятельностью Елизаветы Федосьевны, способно привлечь внимание исследователей и маркировать происходившие вокруг женской эмансипации процессы, дополнив арсеналы гендерной, политической истории, истории профессий, и адвокатуры в частности. В последующие десятилетия еще десятки россиянок захотели стать адвокатами, но тоже не смогли преодолеть препятствия, которые им чинило патриархально и патерналистски устроенное государство. Ведь вопрос носил острый политический характер: женская адвокатура тем или иным образом угрожала власти мужчин, и неудивительно, что при царизме женщинам так и не было дозволено трудиться поверенными [Krest'iannikov, 2023: 644].

Время надежд

Изменения социальных отношений в эпоху Александра II привели к ломке традиционного уклада и неотвратимо ставили вопрос об эмансипации вообще. Начало развиваться зародившееся тогда отечественное женское движение [Юкина, 2007: 52]. Одним из выдающихся актов, даровавших свободы обществу, явились Судебные уставы, учрежденные 20 ноября 1864 г.; их либеральный потенциал способствовал раскрепощению женщин. Почувствовав вкус равноправия, они потянулись в «суд правый, скорый, милостивый и равный для всех», и порой приходилось наблюдать на их стороне перевес количества поступавших к мировым судьям жалоб [Соколовский, 1867: 64].

Равенство в судопроизводстве, однако, не предполагало допуск россиянок в состав судебных деятелей. Им не нашлось места в рядах адвокатуры. Уставы предусмотрели две категории адвокатов — присяжных поверенных (ими руководили советы как органы самоуправления) и помощников присяжных поверенных, но их пол не уточнялся. В этом не было нужды, ведь безусловное требование высшего юридического образования к претендентам на адвокатскую деятельность по умолчанию закрывало женщинам путь в профессию, поскольку таковое образование оставалось для них недоступным. Когда значительно позже появились россиянки с дипломами юристов (первой из них в 1908 г. подала прошение о приеме помощником присяжного поверенного в московский совет присяжных Я. С. Подгурская [Крестьянников, 2023: 69, 71; ЦГАМ]), адвокат П. Н. Малянтович представил доклад с рассуждениями, что дипломированным юристкам адвокатура дозволена [Сорок второй отчет... , 1908: 6—14].

Судебные уставы были продуктом определенного времени. Тогда представить равноправие полов могло только самое пылкое воображение. Намного позже, в ноябре 1909 г., группа депутатов III Государственной думы разработала

законодательное предположение о разрешении лицам женского пола заниматься адвокатской деятельностью. В комментариях к проекту вспоминалось об условиях 1860-х гг. и объяснялось, почему тогдашний законодатель отмолчался относительно россиянок: «Реформаторская решимость составителей Судебных уставов, ввиду тех исторических и общественных условий, в которых складывался в России взгляд на роль женщин как полноправного члена государства, остановилась перед определенным признанием прав женщины в деле судебного представительства интересов сторон» [РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 2368, л. 2—3].

Тем не менее законом любому человеку независимо от пола позволялось трижды в год выступать в мировом суде по гражданским делам [Казанцев, 1985: 74], также практика указывала на возможность любому войти ходатаем в учреждения юстиции для защиты чьих-то прав и решения юридических неопределенностей. В прессе встречались сообщения об активности россиянок, очень напоминавшей адвокатскую. Так, в одном из номеров популярной «Всемирной иллюстрации» за 1871 г. рассказывалось о некой ловкой жительнице Харькова: «В числе адвокатов нашего суда есть и женщины, нигде, впрочем, и ни в чем не отстающие от мужчин. Одна из таковых женщин-адвокатов в нашем городе защищает сама себя. Здание окружного суда ни один день не может быть ни открыто, ни закрыто как без ключа, так и без ее присутствия. Богатая женщина, вечно раздающая в рост деньги и не пренебрегающая никакими процентами и сделками, так же как и никакими лицами, с которыми она имеет дела, она постоянно протестует векселя, сама подает их ко взысканию, сама служит себе защитой и, кажется, сама взыскивает. Всегда богато и пестро одетая, с лентами и перьями на голове, подражая индийским воинам племени Монго, она, как рыцарь, гордо выступает на арену защиты и нередко выигрывает дела. Нет тех речей, и слов, и обстоятельств, которые бы не были приводимы ею в свою броненосную защиту»¹.

На входе в адвокатуру

В соответствии с законом от 25 мая 1874 г. в России была введена новая форма организации адвокатуры — частные поверенные. Требование о высшем юридическом образовании на них не распространялось [ПСЗ РИ, т. 49, № 53573]. Россиянки тотчас приступили к освоению адвокатской профессии. Н. П. Павлов-Сильванский сообщал, что они сразу «стали домогаться в судах получения звания частного поверенного, прося о допущении их к установленному законом экзамену, и суды, ввиду молчания закона, не признавали возможным отказать им в их просьбах». Также говорилось о появлении в Санкт-Петербурге кружка женщин, где даже велись практические занятия по подготовке к адвокатской работе [Павлов-Сильванский, 1905: 16—17].

По наблюдению корреспондента «Одесского вестника», среди одесситок имелись заявлявшие о своей готовности поступить в адвокатуру и некоторые стали получать соответствующие свидетельства². Но, вероятно, тогда же приходу россиянок в профессию начали устанавливаться первые преграды: «Женщины, выступавшие на судах, ссылались на то, что в законе нет запрещений для выступлений

¹ Кулик П. Из Харькова // Всемирная иллюстрация. 1871. 24 июля.

² Сычевский С. И. Женщины и адвокатура // Одесский вестник. 1875. 6 апреля.

их; прокурорский надзор ссылался на то, что в законе нет и прямых указаний на дозволение им выступать в судах» [РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 190, л. 144].

Несколько источников позволяют составить картину прихода в частную адвокатуру Е. Ф. Козьминой. По воспоминаниям ее сына В. Свенцицкого, она, дочь важного сибирского чиновника, пятнадцатилетней в 1864 г. закончила с золотой медалью вятскую гимназию и, несмотря на юный возраст, устроилась в это же учебное заведение преподавать русский язык, проработав на педагогическом поприще около трех лет. Затем отправилась в Казань с надеждой получить высшее медицинское образование в здешнем университете, но курсы, которые предполагали чтение медицинских наук женщинам, просуществовали лишь два года. Оказалось, чтобы стать врачом, нужно было продолжить обучение за границей, однако этого не хотелось, к тому же стал формироваться интерес к адвокатской деятельности³.

Прокурором Казанского окружного суда в ту пору служил ставший вскоре всероссийской знаменитостью А. Ф. Кони, к которому Е. Ф. Козьмина устроилась в канцелярию, где трудом доказывала компетентность в юридических вопросах. Ей Анатолий Федорович посоветовал освоить профессию поверенного, и, по словам жаждавшей покорения новых рубежей женщины, она не на шутку принялась подготавливать себя к адвокатской деятельности [Первый женский календарь... , 1899: 138; Полянский, 1901: 235; ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 2141, л. 1].

Для приобретения опыта Е. Ф. Козьмина поступила на службу письмоводителем к мужу своей приятельницы мировому судье Н. Б. Бестужеву. Данная работа, как она рассказывала в письме А. Ф. Кони, хотя приносила «только гроши, но зато практически знакомила с делом», позволяя подковаться и теоретически [ГАРФ, л. 1]. Вдруг, после пяти месяцев беспрепятственной деятельности, выяснилось, что лицам женского пола непозволительно трудиться на таких должностях в мировой юстиции. Был придуман хитроумный «обход закона». Как рассказывал В. Свенцицкий, стол, за которым женщина писала протоколы и резолюции, загородили ширмами, а судья изредка заходил в огороженное пространство за документами. Скоро она развернула самостоятельную практику, ее клиентами становились преимущественно «простой народ, крестьяне, мелкие купцы, рабочие»⁴.

После принятия закона о частной адвокатуре Е. Ф. Козьмина обратилась в Нижегородский окружной суд с прошением допустить к экзамену на получение звания поверенного. В феврале 1875 г., выдержав испытание и внося установленную плату, она получила необходимое свидетельство [Первый женский календарь... , 1899: 138; ГАРФ, л. 1]. В 1899 г. А. Ф. Кони дал интервью, в котором вспоминал о деятельности Елизаветы Федосьевны: «Женщина-адвокат сделалась модным адвокатом, сразу получила большую практику и с успехом вела дела; между прочим, она выиграла очень сложный процесс о наследстве, где ее противниками выступали некоторые известные адвокаты»⁵. По утверждению В. Свенцицкого, однажды в судебном разбирательстве был повержен даже сам великий Ф. Н. Плевако⁶.

³ Свенцицкий В. Забытая // Женское дело. 1911. № 16. С. 4.

⁴ Там же.

⁵ Цит. по: Первая русская женщина-адвокат // Женское дело. 1899. № 9. С. 139.

⁶ Свенцицкий В. Указ. соч. С. 5.

Непреодолимый барьер

Между тем, узнав о появлении женщин в частной адвокатуре, министр юстиции К. И. Пален 30 апреля 1875 г. разослал в судебные учреждения циркуляр, запрещающий выдачу лицам женского пола свидетельств на право хождения по чужим делам⁷. Е. Ф. Козьмина отправилась в Москву, где ею уже ранее было подано прошение в Московскую судебную палату о принятии частным поверенным. Председатель учреждения выразил женщине сочувствие и предложил такой план: палата откажет в выдаче свидетельства, что позволит обжаловать данное постановление в Сенате, который, разумеется, решит дело в ее пользу⁸.

Так и сделали. На отказ палаты Е. Ф. Козьмина, не желая расстаться с надеждой посвятить себя этой профессии, жалея трудов и бессонных ночей, проведенных в занятиях, а также стремясь добиться более легального разрешения вопроса о правах своих и всех женщин, которые бы пожелали честно и добросовестно трудиться на этом поприще (из переписки с А. Ф. Кони), подала 6 сентября 1875 г. жалобу в Сенат. Тот, как и предполагалось, 27 октября отменил определение палаты и предписал допустить женщину к экзамену на звание частного поверенного [Первый женский календарь... ,1899: 138; Флейшиц, 1910: 147; ГАРФ, л. 1 об.].

Но затем события для желавших трудиться адвокатами россиянок развивались по провальному сценарию. После сенатского решения последовал закон от 7 января 1876 г. «О применении к лицам женского пола Правил 25 мая 1874 г. о частных поверенных», категорически запретивший женщинам частную адвокатуру и ссылавшийся при этом на п. 5 Высочайшего повеления 14 января 1871 г. [ПСЗ РИ, т. 51, № 55455]. Упомянутый пункт предписывал «воспретить прием женщин, даже и по найму, на канцелярские и другие должности во всех правительственных и общественных учреждениях, где места представляются по назначению от начальства и по выборам» [там же, т. 46, № 49137]. Повеление основывалось на записке шефа Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии П. А. Шувалова от 15 декабря 1870 г. по вопросу о допущении россиянок на работу в учреждения — выдающемся отечественном памятнике дискриминации по признаку пола. Там говорилось о своевременности ограничения сферы применения женского труда на поприще государственной и общественной службы, в ином случае предсказывались разрушение домашнего очага, развал семьи, урон материнству и общее падение нравственности. П. А. Шувалов явно опасался утраты мужчинами господствующего положения, поскольку, по его мнению, замена мужского труда женским могла произойти только в «ущерб мужскому» [РГИА, ф. 1016, оп. 1, д. 211, л. 1—4 об.].

Последствия

Циркуляр К. И. Палена и закон от 7 января 1876 г. сразу подверглись критике. «Судебный вестник», анализируя запрет министра юстиции, приходил к заключению, что он не согласовался с существовавшими законами. К примеру, акт

⁷ Циркуляр министра юстиции председателям судебных палат, окружных судов и съездов мировых судей (30 апреля 1875 г., № 4953) // Судебный вестник. 1875. 14 мая.

⁸ Свенцицкий В. Указ. соч. С. 5.

от 25 мая 1874 г. о частных поверенных узаконивал другое — «дозволение» на ведение чужих дел⁹. Пресса недоумевала по поводу циркуляра и потому, что имелся целый ряд статей в законодательстве, тем или иным образом позволявших лицам любого пола вести чужие дела в судах [Павлов-Сильванский, 1905: 18].

Перечисленные запретительные акты, включая венчавший их закон от 7 января 1876 г., который в Учреждении судебных установлений трансформировался в ст. 406¹⁹, неоднократно вспоминались и анализировались впоследствии при обострениях вопроса о разрешении женщинам адвокатской деятельности. Ставить его заставляла активность россиянок, надеявшихся войти в храмы правосудия адвокатами и даже осуществлявшими это на практике. Так, с конца 1880-х гг. в Сибири, где пока не были введены уставы Александра II, поверенными успешно выступали и приобрели всероссийскую славу две женщины — М. П. Аршаулова и В. Л. Кичеева. В 1893 г. последней Иркутский губернский суд запретил адвокатуру со ссылкой как раз на циркуляр К. И. Палена [Крестьянников, 2020: 39—40].

В 1894—1899 гг. под председательством министра юстиции Н. В. Муравьева работала комиссия, призванная пересмотреть положения Судебных уставов. Вокруг ст. 406¹⁹ развернулась жаркая дискуссия. А. Л. Боровиковский, Н. Н. Мясоедов и В. Д. Спасович высказались за ее исключение, «признавая более справедливым, чтобы вопрос о допущении женщин в частные поверенные разрешался в каждом отдельном случае подлежащими судебными установлениями на основании общих по сему предмету постановлений закона, указаний практики и требований жизни» [Высочайше учрежденная комиссия... , 1900: 174—176].

Акты 1870-х гг. были предметом толкования сторонников и противников женской адвокатуры в начале XX в., когда появились женщины с университетскими дипломами правоведов, а законодательство относительно их возможности войти в присяжную адвокатуру по-прежнему молчало. В 1908 г. московский совет присяжных поверенных на основании доклада П. Н. Малянтовича, доказывавшего неприменимость к дипломированным юристам тех давних постановлений, зачислил помощниками присяжных поверенных Я. С. Подгурскую, М. М. Гиршман и Л. А. Бубнову [Сорок второй отчет... , 1908: 6—14], подобным же образом поступили столичный совет 20 октября 1909 г. относительно Е. А. Флейшиц [Отчет совета... , 1910: 10—13] и одесский совет 20 ноября 1910 г. в случае с А. Г. Ярошевской [Шестой отчет... , 1911: 13—17].

Перечисленные решения органов адвокатского самоуправления отменялись судебными палатами. В Москве палата приняла во внимание, кроме прочего, ст. 406¹⁹, перенесла ее действие на присяжную адвокатуру («...деятельность частных поверенных вполне однородна с деятельностью присяжных поверенных и помощников присяжных поверенных») [Сорок третий отчет... , 1909: 13]. Столичная палата, отказывая Е. А. Флейшиц и признавая, что «закона, предоставляющего женщинам право поступать в сословие присяжных поверенных, по настоящее время не издано», указывала на «дух» отечественного законодательства и прямо на повеление 14 января 1871 г., ограничившее россиянок в праве на

⁹ Циркуляр министра юстиции председателям судебных палат, окружных судов и съездов мировых судей (30 апреля 1875 г., № 4953).

государственную и общественную службу [Отчет комиссии... , 1911: 10—11]. Закон от 7 января 1876 г. послужил препятствием для А. Г. Ярошевской [РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 190, л. 153—154].

Аргументы органов судебной власти являлись крайне неубедительными. Отсылая в стародавнюю эпоху, они к тому же элементарно противоречили основополагающим юридическим принципам. Об этом говорили женщины, которым не позволили работать помощниками присяжных поверенных. В частности, Л. А. Бубнова вспоминала о благоприятном для россиянок заключении Сената по поводу Е. Ф. Козьминой как правильном и не допускавшем ограничения в правах, поскольку оно по смыслу предписывало основывать запрет на частную адвокатуру лицам женского пола лишь на точном тексте закона¹⁰. М. М. Гиршман и Е. А. Флейшиц тоже критиковали акты 1870-х гг. и настаивали, что ссылки на них в начале XX в. являются неуместным архаизмом: за прошедшие десятилетия повеление 14 января 1871 г. было отменено самой жизнью для значительной области его применения, ведь женщинам с тех пор уже покорились многие казавшиеся когда-то недоступными профессии [Труды... , 1908: 431; Флейшиц, 1910: 149—151].

Заключение

Эпизод с Е. Ф. Козьминой произошел в условиях ускорявшегося движения социума в сторону пересмотра гендерных ролей, когда начинали колебаться традиционные устои и россиянки присматривались к «мужским» сферам труда. Женщина-адвокат являлась продуктом эмансипации, продемонстрировав это свободным выбором профессии, сознательно смелым и рационально подготовленным приходом в нее, а также стремлением идти до конца в борьбе за свои права. Случай первенствовал в опыте применения женского труда в российской адвокатуре и впервые показал, что лицам женского пола такая карьера по силам.

Вместе с тем фактически деятельность Елизаветы Федосьевны Козьминой поставила крест на намерениях россиянок работать частными поверенными, она стала невольной виновницей отрицательного решения вопроса о возможности женской адвокатуры вообще. Царская Россия не была готова предоставить женщинам равное с мужчинами право нести ответственность в качестве поверенных за защиту прав подданных. Неумение разобраться с подобными проблемами, может быть, и стало одной из причин краха Российской империи.

¹⁰ Бубнова Л. А. Еще несколько слов о женщинах-адвокатах // Русские ведомости. 1909. 26 ноября.

Список источников

- Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений. СПб.: Сенат. тип., 1900. Т. 3, ч. 2. Гл. 17: О поверенных по судебным делам.
- ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 564. Оп. 1. Д. 2141.
- Казанцев С. М. Русская адвокатура и женщины // Правоведение. 1985. № 6. С. 72—77.
- Крестьянников Е. А. Женская адвокатура в дореволюционной России: сибирский «след» // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 38—46.
- Крестьянников Е. А. Женщины-юристы Российской империи накануне и в условиях Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2. С. 68—76.
- Отчет комиссии помощников присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты за 1910 г. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1911. 280 с.
- Отчет совета присяжных поверенных при Санкт-Петербургской судебной палате за сорок четвертый год. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. 710 с.
- Павлов-Сильванский Н. О праве женщин быть адвокатами // Русское богатство. 1905. № 5. С. 1—26.
- Первый женский календарь на 1899 г. / под ред. П. Н. Ариян. СПб.: Труд, 1899. 186 с.
- Полянский А. Русская женщина на государственной и общественной службе. М.: Труд, 1901. 499 с.
- Пономарева В., Хорошилова Л. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад, XVIII — начало XX в. М.: Ломоносовъ, 2019. 288 с.
- ПСЗ РИ (Полное собрание законов Российской империи). Собр. 2.
- РГИА (Российский государственный исторический архив).
- Решетников Г. Л. К вопросу о «женской адвокатуре» в дореволюционной России // Российский юридический журнал. 2012. № 1. С. 179—186.
- Соколовский Н. Современный быт русской женщины и судебная реформа: (юридические заметки) // Женский вестник. 1867. № 9. С. 57—83.
- Сорок второй отчет совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1907—1908 гг. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1908. 480 с.
- Сорок третий отчет совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1908—1909 гг. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1909. 971 с.
- Тимофеев В. В. Проблемы женской адвокатуры в России в конце XIX — начале XX в. // Марийский юридический вестник. 2002. № 2. С. 91—97.
- Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге, 10—16 декабря 1908 г. СПб.: Тип. Санкт-Петербург. одиночной тюрьмы, 1909. 927 с.
- Флейшиц Е. А. О женской адвокатуре // Право. 1910. № 3. Стб. 143—151.
- ЦГАМ (Центральный государственный архив г. Москвы). Ф. 1697. Оп. 1. Д. 42. Л. 315 об. — 316, 371 об.
- Шестой отчет совета присяжных поверенных округа Одесской судебной палаты за 1910 г. Одесса: Тип. «Одесских новостей», 1911. 209 с.
- Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.
- Albisetti J. C. Portia ante portas: women and the legal profession in Europe, ca. 1870—1925 // Journal of Social History. 2000. Vol. 33, № 4. P. 825—857.
- Frank L. La Femme-Avocat: Exposé Historique et Critique de la Question. Paris: V. Giard et E. Brière, 1898. 313 p.
- Krest'iannikov E. A. Политические сигналы женской адвокатуры в поздней Российской империи // Cahiers du monde russe. 2023. Vol. 64, № 3—4. P. 619—644.

References

- Albisetti, J. C. (2000) Portia ante portas: women and the legal profession in Europe, ca. 1870—1925, *Journal of Social History*, vol. 33, no. 4, pp. 825—857.
- Fleishits, E. A. (1910) O zhenskoï advokature [About women’s advocacy], *Pravo*, no. 3, pp. 143—151.
- Frank, L. (1898) *La Femme-Avocat: Exposé Historique et Critique de la Question*, Paris: V. Giard et E. Brière.
- Iukina, I. I. (2008) *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge to modernity], St. Petersburg: Aleteïia.
- Kazantsev, S. M. (1985) Russkaia advokatura i zhenshchiny [Russian advocacy and women], *Pravovedenie*, no. 6, pp. 72—77.
- Krest’iannikov, E. A. (2023) Politicheskie signaly zhenskoï advokatury v pozdnei Rossiiskoi imperii [The political context of women’s legal practice in the late Russian Empire], *Cahiers du monde russe*, vol. 64, no. 3—4, pp. 619—644.
- Krestyannikov, E. A. (2020) Zhenskaia advokatura v dorevoliutsionnoi Rossii: sibirskii “sled” [Women’s advocacy in pre-revolutionary Russia: the Siberian “trace”], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, no. 63, pp. 38—46.
- Krestyannikov, E. A. (2023) Zhenshchiny-iuristy Rossiiskoi imperii nakanune i v usloviakh Pervoï mirovoi voïny [Women lawyers of the Russian Empire on the eve and during the First World War], *Ural’skii istoricheskii vestnik*, no. 2, pp. 68—76.
- Otchët komissii pomoshchnikov prisiazhnykh poverennykh okruga Sankt-Peterburgskoi sudebnoi palaty za 1910 g.* (1911) [Report of the commission of assistant sworn attorneys of the district of the St. Petersburg Court Chamber for 1910], St. Petersburg: Tipografiia Glavnogo upravleniia udelov.
- Otchët soveta prisiazhnykh poverennykh pri Sankt-Peterburgskoi sudebnoi palate za sorok chetvërti god* (1910) [Report of the council of sworn attorneys at the St. Petersburg Court Chamber for the forty-fourth year], St. Petersburg: Tipografiia M. A. Aleksandrova.
- Pavlov-Sil’vanskiĭ, N. (1905) O prave zhenshchin byt’ advokatami [On the right of women to be lawyers], *Russkoe bogatstvo*, no. 5, pp. 1—26.
- Pervyi zhenskii kalendar’ na 1899 g.* (1899) [The first women’s calendar for 1899], St. Petersburg: Trud.
- Polianskiĭ, A. (1901) *Russkaia zhenshchina na gosudarstvennoi i obshchestvennoi sluzhbe* [Russian woman in state and public service], Moscow: Trud.
- Ponomareva, V., Khoroshilova, L. (2019) *Mir russkoi zhenshchiny: sem’ia, professiia, domashnii uklad, XVIII — nachalo XX v.* [The world of the Russian woman: family, profession, home life, XVIII — early XX c.], Moscow: Lomonosov.
- Reshetnikov, G. L. (2012) K voprosu o “zhenskoï advokature” v dorevoliutsionnoi Rossii [On the issue of “women’s advocacy” in pre-revolutionary Russia], *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 179—186.
- Shestoĭ otchët soveta prisiazhnykh poverennykh okruga Odesskoi sudebnoi palaty za 1910 g.* (1911) [The sixth report of the council of sworn attorneys of the district of the Odessa Court Chamber for 1910], Odessa: Tipografiia “Odesskikh novostei”.
- Sokolovskiĭ, N. (1867) *Sovremennyi byt russkoi zhenshchiny i sudebnaia reforma: (Iuridicheskie zametki)* [Modern life of a Russian woman and judicial reform: (Legal notes)], *Zhenskii vestnik*, no. 9, pp. 57—83.
- Sorok vtoroi otchët soveta prisiazhnykh poverennykh okruga Moskovskoi sudebnoi palaty za 1907—1908 g.* (1908) [Forty-second report of the council of sworn attorneys of the district of the Moscow Court Chamber for 1907—1908], Moscow: Tipografiia Obshchestva rasprostraneniia poleznykh knig.

- Sorok tretii otchet soveta prisiazhnykh poverennykh okruga Moskovskoi sudebnoi palaty za 1908—1909 g.* (1909) [Forty-third report of the council of sworn attorneys of the district of the Moscow Court Chamber for 1908—1909], Moscow: Tipografiia Obshchestva rasprostraneniia poleznykh knig.
- Timofeev, V. V. (2002) Problemy zhenskoĭ advokatury v Rossii v kontse XIX — nachale XX v. [Problems of women's advocacy in Russia at the end of the XIX and beginning of the XX c.], *Mariĭskii iuridicheskii vestnik*, no. 2, pp. 91—97.
- Trudy Pervogo Vserossiiskogo zhenskogo s'ezda pri Russkom zhenskom obshchestve v Sankt-Peterburge, 10—16 dekabria 1908 g.* (1909) [Proceedings of the First All-Russian Women's Congress at the Russian Women's Society in St. Petersburg, December 10—16, 1908], St. Petersburg: Tipografiia Sankt-Peterburgskoi odinochnoi tiur'my.
- Vysochaĭshe uchrezhdennaia komissiiia dlia peresmotra zakonopolozhenii po sudebnoi chasti. Ob'iasnitel'naia zapiska k projektu novoi redaktsii Uchrezhdeniia sudebnykh ustanovlenii* (1900) [The highest commission established to review judicial provisions. Explanatory note to the draft new edition of the Institution of Judicial Decisions], vol. 3, pt. 2, chap. 17: O poverennykh po sudebnym delam, St. Petersburg: Senatskaia tipografiia.

Статья поступила в редакцию 18.01.2024; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 08.02.2024.

The article was submitted 18.01.2024; approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 08.02.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Крестьянников Евгений Адольфович — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института региональных исторических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), г. Москва, Россия, krest_e_a@mail.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of Russia's Regional History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow), Moscow, Russian Federation).